

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 39+323.1+479.224

© Н.В. Багаши

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОМОГЕНИЗАЦИИ В
ГРУЗИНСКОЙ ССР (НА ПРИМЕРЕ
ГУДАУТСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ)**

В работе исследуется переселенческая политика Грузинской ССР в сталинский период на примере организованного переселения колхозников из западных районов Грузии в Гудаутский район Абхазии. Анализируется политическая, социокультурная и пространственно-географическая логика организованной Тбилиси массовой миграции картвельского населения в Абхазию в 1930–1950-е годы. Демографическая колонизация Абхазии рассматривается, с одной стороны, в качестве одного из элементов поликомпонентной политики грузинизации автономной республики в сталинский период, с другой – как частный пример имплементации политики национальной гомогенизации Грузии, проводимой грузинскими элитами начиная со второй половины XIX века и вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: *Абхазия, грузинизация Абхазии, Гудаутский район, этническая демография Абхазии, организованная миграция в Грузинской ССР.*

Двадцатилетний межпереписной период 1939–1959 гг. ознаменовался значительными изменениями в этнической структуре населения Абхазии, в частности резким увеличением абсолютной численности грузинского населения. Если в 1939 г. численность грузин в Абхазии составляла 91 976 чел., то в 1959 г. – уже 158 221 чел. Определяющей причиной столь резких перемен были миграционные процессы, протекавшие в Абхазии в 1930 – начале 1950-х годов, прежде всего, плановое переселение в Абхазию крестьян из регионов Западной Грузии.

Главными целями переселенческой политики грузинского республиканского руководства в 1930–1950-е годы были демографическая колонизация Абхазии и ассимиляция абхазского этноса. Однако официальная печать того времени пыталась представить ситуацию в диаметрально противоположном свете. В юбилейном издании, посвященном 20-летию установления советской власти в Абхазии, сообщалось: «Сейчас в Абхазскую АССР из малоземельных районов переселяются лучшие ударники социалистических полей Грузии, переселяются новые люди, стремящиеся и на новом месте дать наибольшую пользу социалистической Родине... С радостью и любовью встречает местное население переселенцев сейчас, встречает своих брать-

Багаши Нури Валериевич – кандидат географических наук, доцент кафедры географии Абхазского государственного университета, научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. Эл. почта: nbagapsh@gmail.com.

ев по классу, крепя великую сталинскую дружбу народов. Приезд переселенцев сейчас – это большой праздник для трудящихся Советской Абхазии» [1: 70].

Плановое переселение, проводившееся грузинским руководством в 1930–1950-е годы, было одним из механизмов поликомпонентной политики по аккультурации Абхазии, введению ее в грузинское этнокультурное и политическое пространство.

Политика демографической колонизации Абхазии, проводившаяся грузинским руководством в 1930–1950-е годы, не может рассматриваться в качестве «эндемичного» исторического эпизода, присущего конкретному хронологическому периоду и направленного в отношении конкретной территории. Анализ демографической составляющей этнокультурной политики грузинских элит различных генераций наталкивает на мысль о том, что инструмент демографической колонизации «проблемных» территорий является имманентным свойством грузинского нациестроительства. Этот инструмент был апробирован грузинскими элитами еще до возникновения современной грузинской государственности, а, следовательно, и политического субъекта, у руля которого могли бы встать эти элиты. А.А. Цуциев пишет: «Национальная проблематика превращается в 1890-е годы в абсолютно доминирующую тему кавказского политического дискурса... Болезненное внимание к этнодемографическому (“племенному”, “национальному”) балансу овладевает не только умами имперских администраторов, но начинает пронизывать идеологию самих местных элит, все более осваивающих идеи социального освобождения и народного представительства именно в этнических категориях. Возникают первые туманные проекты автономий в Закавказье, начинается спор о пределах “исторических территорий”» [2: 39]. Зародившийся в XIX в. в Тифлисской губернии грузинский национально-государственный проект был продуктом гипотетических построений представителей российской интеллигенции грузинского происхождения, получивших образование, как правило, в Петербурге, а также в других крупных городах Российской империи. Выстроенный в их умозрительных построениях, но не существовавший в реальности концепт идеальной Грузии изначально апеллировал к территориальной экспансии далеко за пределы этнических границ картвельского мира, что позже с большим или меньшим успехом было реализовано на практике. В целях содействия такой экспансии грузинская интеллигенция не только призывала проводить демографическую колонизацию «окраин грузинской ойкумены», но и предпринимала вполне конкретные практические действия.

Так, в частности, по инициативе И.Г. Чавчавадзе на левобережье Алазани, на территории нынешних Лагодехского и Кварельского муниципалитетов, на рубеже XIX–XX столетий с целью воспрепятствовать негрузинской демографической экспансии были расселены имеретинцы, рачинцы и кахетинцы, а в 1918 г. на данной территории поселились и месхетинцы-католики.

К демографической колонизации Абхазии и Черкесии картвелами в конце XIX столетия призывали многие представители грузинского национального движения [3]. Апофеозом подобных выступлений в прессе явилась напечатанная в 1877 г. в газете «Тифлисский вестник» программная статья Я.С. Гогешвили «Кем заселить Абхазию?», в которой автор пытался убедить российские власти в безальтернативности мингрельской колонизации страны, «очищенной» от большей части коренного населения [4]. Эти призывы, как известно, получили существенное практическое воплощение.

Этнически мотивированная переселенческая политика в оккупированной Абхазии проводилась и в постреволюционный период властями независимой Грузии, однако масштабы миграций были относительно скромными ввиду непродолжительности существования Грузинской Демократической Республики и сложной военно-политической ситуации внутри и вокруг страны. Самым значительным эпизодом политики демографической колонизации в рассматриваемый период следует считать масштабное демографическое освоение покинутой абхазами в 1867 г. верхней части Кодорского ущелья выходцами из соседней Верхней Сванетии. Проникновение сванов в Дал началось еще до революции, однако именно в годы существования Грузинской Демократической Республики была осуществлена окончательная сванская колонизация данной территории. В 1906 г. в Кодорском ущелье еще не было отмечено сванов [5: 33], в 1911 г. здесь проживали 257 сванов [6: 121], а в 1923 г. – уже 1534 «грузина» [7: 195]. По данным переписи населения 1926 г., на данной территории проживали 1699 человек, из которых 1663 (97,9%) указали сванский в качестве родного языка [8: XIV, 100, 101].

Плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Абхазию началось в 1937 г. по личной инициативе Л. Берия и осуществлялось поначалу Народным комиссариатом земледелия Грузии. Только с 1939 г. после соответствующего постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР руководство переселением перешло к Переселенческому управлению при СНК СССР и его местным подразделениям – трестам Грузпереселенстрой и Абхазпереселенстрой.

Плановое заселение крестьян из Западной Грузии производилось в сельские местности всех без исключения районов Абхазии, но основными районами вселения были Гудаутский, Очамчирский и Гагрский (первые два – этнически абхазские, последний – «стратегический», пограничный с Россией, где доля грузинского населения до того была невелика), что иллюстрирует цели, поставленные организаторами этого мероприятия.

Особенно глубокие этнодемографические изменения произошли в Очамчирском и Гудаутском районах Абхазии. В последнем до начала переселенческой кампании практически не имелось компактного грузинского населения. Единственным картельским поселением, возникшим на территории нынешнего Гудаутского района до начала планового переселения, была *Псырдзха Мингрельская*, основанная в начале XX века в восточной части Гудаутского участка переселенцами из Мингрелии.

С конца 1930-х годов в результате целенаправленной политики тбилисских властей на карте Абхазии стали появляться многочисленные новые поселения, куда вселялись грузинские переселенцы.

Контингент переселенцев отбирался преимущественно в горных и предгорных, а также в некоторых густонаселенных равнинных районах Западной Грузии, уже в конце XIX века страдавших от аграрного перенаселения. Очевидная выгодность экономико-географического положения курортной и «землеизбыточной» Абхазии была главным аргументом при агитации к переселению, проводившейся властями в районах выбытия. В отдельных случаях жители горных районов Западной Грузии проявляли личную инициативу, желая переселиться в определенные населенные пункты Абхазии. Например, колхозник из Чхороцкуского района Д. Ахалая в заявлении на имя начальника Переселенческого отдела при Совмине Абхазской АССР от 15 сентября 1947 г. указывал: «... желаю переселиться в Ермоловку (нынешний

Гечрипш. – Н.Б.) Гагрского района. Я бывал там, этот район мне очень понравился. Переселиться туда больше всего я желаю по той причине, что имею маленьких детей, кроме того, хочу детей научить русскому языку. На переселение согласны и все члены семьи. Прошу обратить внимание на нашу просьбу и разрешить мне переселиться в Гагрский район» [9: 177]. Вместе с тем, власти нередко сталкивались с нежеланием населения покидать родные села и противодействием руководства районон выбытия при подборке контингента переселенцев. Переселение в Абхазию в таких случаях проводилось фактически принудительно [9: 11]. Зачастую грузинские переселенцы самовольно покидали новое место жительства и возвращались обратно, что вызывало обеспокоенность властей. Так, в сентябре 1947 года правление колхоза им. Сталина Ахалснопельского сельсовета Гудаутского района информировало Переселенческий отдел: «появились требующие категорического возвращения назад... Возвращение на прежние места принимает массовый характер. Зброшенные дома портятся, и мы не имеем возможности охранять их» [9: 176].

Т.А. Ачугба выделил стратегические критерии географической локализации первых грузинских переселенческих поселений в Абхазии. Так, автор указывает: «... переселенческие поселения вначале локализовались на прибрежной полосе, то есть на территориях важных как в экономическом, так и в военном отношении, вдоль автомобильных и железнодорожных магистралей, у въезда и выезда из городов и районных центров» [10: 212].

В Гудаутском районе был организован целый ряд переселенческих поселков, как правило, по окраинам и внутри абхазских сел. Так, крупнейшее переселенческое село *Ахалснопели* (современное Хыпста) возникло на побережье Черного моря, в устьях рек Хыпсы и Мчиш, по обоим берегам каждой из них. Новый сельсовет был выделен в мае 1942 г. из части территорий Звандрипшского, Лыхненского и Мгудзырхвского сельсоветов с последующим дополнительным присоединением к нему в 1946 г. 11 гектаров территории Мгудзырхвского сельсовета [9: 99, 131, 497]. До конца 1930-х годов здесь проживало абхазское население и некоторое число русских, работавших в овоще-цветоводческом хозяйстве. В 1937 г. на территорию в устье реки Хыпсы переселилось 60 хозяйств абхазов из Дурипша, а также меньшее число из Звандрипша, Мгудзырхуа, Лыхны и Блабырхуа. С 1939 г. в село началось плановое переселение крестьян из Западной Грузии.

Председатель Исполкома Гудаутского районного Совета депутатов трудящихся Д.К. Черкезия на сессии ВС Абхазской АССР в июне 1940 г. заявлял: «Начатое по инициативе тов. Л.П. Берия в 1937 г. переселение в Абхазию колхозников из малоземельных районов Грузии в Гудаутском районе продолжается. Уже созданы два новых переселенческих колхоза имени тов. Чарквиани (местность Апшдвны села Звандрипш. – Н.Б.) и имени тов. Орджоникидзе (местность Ашыцра села Лыхны. Оба этих колхоза вместе с колхозом имени Сталина Звандрипшского сельсовета впоследствии образуют село Ахалснопели. – Н.Б.). В них построено до трехсот домов» [9: 70]. Согласно Н.Г. Волковой, в течение 10 лет с 1939 по 1949 гг. сюда заселялись рачинцы, в 1944–1945 гг. в селе поселились также мингрелы [11: 21, 22]. Однако из архивных документов явствует, что жители Мингрелии переселялись на правобережье реки Хыпсы с 1939 г. В существовавший здесь колхоз имени Чарквиани, тогда еще не выделенный из состава Звандрипшского сельсовета, в 1939 г. прибыло 239 выходцев из Гегечкорского и Чхороцкусского районов Грузии [9: 40]. В итоге

Ахалсопели, непосредственно не граничившее с городом Гудаутой, но находившееся к западу от него на небольшом расстоянии, превратилось в единственное село Гудаутского района с преобладающим грузинским населением. Ахалсопельский сельсовет располагался на обширной, по меркам Гудаутского района, равнинной территории, площадь которой почти втрое превышала городскую и через которую проходил протяженный отрезок центральной трассы.

В небольшой статье, вышедшей в одном из номеров газеты «Советская Абхазия» в 1951 г., сообщалось: «Ахали Сопели – молодое село в Гудаутском районе. Оно построено 10 лет тому назад. Возникнув на землях, поросших кустарником и лесом, Ахали Сопели за короткий срок превратилось в культурное социалистическое село» [12]. В другой статье читаем: «Десять лет назад место, занимаемое сейчас селом Ахали Сопели Гудаутского района, представляло собой участок сплошных болот, зарослей кустарников и колючек... Оно непрерывно растет и развивается в хозяйственном и культурном отношении» [13].

В других селениях грузинские крестьяне были подселены к численно преобладающему абхазскому населению. Т.А. Ачугба отмечает, что переселенческие анклавы возникли в селах Аацы, Абгархук, Анхуа, Арсаул, Ачандара, Бармыш, Блабырхуа, Джирхуа, Дурипш, Калдахуара, Куланьрхуа, Лыхны, Мгудзырхуа, Отхара [10: 214]. Однако в некоторых из указанных селений организованное вселение выходцев из Западной Грузии к концу сталинско-бериевского периода только планировалось, но так и не было осуществлено. Это подтверждают материалы похозяйственных книг Гудаутского района 1960–1980-х годов.

В *Куланьрхуа* переселенческий поселок был организован в прибрежной местности Тасракуа, лежащей вдоль автомагистрали и примыкающей к Гудауте с востока. К уже проживавшему здесь абхазскому и армянскому населению были подселены мингрелы из Гегечкорского района. Впоследствии в Тасракуа был образован совхоз «Дружба», название которого, вероятно, было выбрано с учетом этнической пестроты поселка сообразно идеологическим постулатам советской пропаганды.

В южной части села *Абгархук*, в расположенной ближе к центральной трассе местности Апап-Йашта, были поселены имеретинцы из Цулукидзевого района.

Значительное количество грузинских, а также русских, украинских, армянских и прочих переселенцев в середине XX века оседает в пограничной с Гагрским районном местности Ахуаджа села *Калдахуара*. Большая их часть работала на Бзыпском деревообрабатывающем комбинате, расположенном в соседнем селе Бзыпта Гагрского района, в непосредственной близости от мест их компактного расселения.

Мингрело-имеретинский переселенческий поселок возник также в селе *Арсаул* (Приморское). В ходе планового переселения крестьян из Западной Грузии в конце 1940-х годов здесь отстраивают переселенческий поселок, включавший 75 хозяйств мингрелов из Цаленджихского района и имеретинцев из Цхалтубского района [9: 191, 217, 415]. Картвельские переселенцы были объединены в колхоз имени Бараташвили (позже – имени Кантария) [9: 249, 415]. В тот же период Приморское было переименовано в грузинское *Санатино*. Именно под таким названием фигурирует данный сельсовет в сборниках административно-территориального деления Абхазской АССР 1951 и 1953 гг. [14: 13], [15: 8].

Новый этап в переселенческой политике начался после депортации из Абхазии в 1949 г. греков, лазов и представителей ряда других народов. По мнению Х.Л. Кешани-

ди, греки Краснодарского края были депортированы вместе с греками Абхазии и Аджарии «для отвода глаз», поскольку целью данной кампании, инспирированной лично Л. Берия, была очистка от греческого населения территории Грузинской ССР (прежде всего Абхазии, где и проживало большинство греков) [16: 4]. Немецкие авторы, исследовавшие Большой террор в Грузинской ССР, приходят к выводу, что компактное греческое население воспринималось грузинским руководством в качестве помехи в деле подчинения и аккультурации Абхазии, что сказалось и на повышенной интенсивности репрессий в 1937–1938 гг. именно в отношении абхазских греков: «Еще одно доказательство того, что для грузинской центральной власти речь шла о попытке подчинения себе территории Абхазии <...> в интересах формирования грузинской нации, заключается в репрессиях в отношении греков. Так, невозможно объяснить жестокие репрессии в отношении греков только тем, что большинство из них проживало в деревнях вблизи морской границы Советского Союза. Социальные причины репрессий в их отношении также не были доминирующими, поскольку в случае с греками речь идет об этносе, лишенном социальных привилегий. Напротив, важнейшей причиной репрессий было то, что греки преимущественно селились на территории Абхазии, где в качестве группы, лишь условно поддающейся “включению” (в состав грузинской этнонации. – Н.В.), они препятствовали переходу территории автономной республики под власть Грузии. Тесная связь между территорией расселения и репрессиями была здесь особенно явной, поскольку греки, проживавшие вне Абхазии, подвергались репрессиям в гораздо меньшей степени» [17: I, 335].

Между тем, с депортацией греков освободился значительный территориальный и жилищный фонд. Мингрельских (в меньшей степени – имеретинских, сванских, рачинских и лечхумских) крестьян стали вселять в покинутые греческим населением села Центральной Абхазии [18: 24]. Одновременно строительство грузинских переселенческих поселков в Абхазии вновь резко активизировалось.

Официальные основания нового этапа переселенческой политики объяснялись нехваткой трудовых ресурсов, необходимых для увеличения посевов пшеницы и других зерновых культур. Председатель Совета министров Абхазской АССР М.К. Делба летом 1950 г. докладывал: «Максимальное развитие посевов зерновых культур в нашей республике расширит кормовую базу, поднимет животноводство, птицеводство и создаст изобилие мясомолочных продуктов. Эта новая задача, поставленная перед нашим сельским хозяйством партией и правительством, обязывает нас усилить и улучшить свою работу в деле расширения строительства переселенческих колхозов...» [19]. Тот же М.К. Делба, выступая в январе 1951 г. на XIX Абхазской областной партийной конференции, указывал: «Дальнейшее значительное расширение площадей под культуру чая и зерновые, предусмотренное уже утвержденными планами, находится в прямой зависимости от успешного осуществления переселенческих мероприятий. Поэтому в ближайшие два года план строительства переселенческих колхозов должен возрасти, по крайней мере, в два-три раза...» [20].

Партийные директивы выполнялись. В 1950–1952 гг. грузинские крестьяне из Рачи были расселены на границе сел *Лыхны* и *Дуриши*. Здесь общая численность рачинских переселенцев в 1970-е годы составляла порядка 470 человек. Таким образом, одна (большая по численности) часть локальной переселенческой общины вошла в состав поселка Аджимчигра Лыхненского сельсовета, другая (численно меньшая) оказалась в пределах поселка Абгара Дурипшского сельсовета. Выступая

21 июля 1950 г. на заседании Верховного Совета Абхазской АССР, первый секретарь Гудаутского райкома Р.К. Бохуа мотивировал необходимость заселения в Лыхны грузинских крестьян расширением посевов новой для района сельскохозяйственной культуры – пшеницы: «Перед трудящимися Грузии поставлена боевая задача – удовлетворить потребности республики собственной пшеницей. <...> Абхазский Обком КП(б) Грузии и Совет Министров Абхазской АССР определили для Гудаутского района освоение 6 тысяч гектаров новой земли под пшеницу в 1951–1957 гг. Выделение этой земли уже закончено. Однако трудовые резервы не смогут обеспечить освоение 6 тыс. га новой земли. Поэтому для выполнения вышеуказанного постановления необходимо поселить в Гудаутском районе колхозников малоземельных районов. Несмотря на то, что в колхозе имени Берия села Лихни 10–12 мая с. г. (1950. – Н.Б.) было поселено 80 семейств, строительство домов для них еще не закончено и проводится недоброкачественно» [21: 33, 34].

По сообщению Н.Г. Волковой, в *Отхаре* в 1952 г. были расселены сваны из сел Ушгул Верхней Сванетии и Лентха – райцентра Нижней Сванетии [11: 21]. Однако часть переселенцев происходила также из сельских общин Каал и Ипяр¹ в Верхней Сванетии.

Незатронутыми плановым переселением крестьян из западных районов Грузии остались преимущественно предгорные абхазские села Гудаутского района – *Аацы*, *Анхуа*², *Ачандара*, *Блабырхуа*, *Бармыш*, *Джирхуа*, *Хуап*, – выделение земли под переселенческие поселки в большинстве из которых было крайне затруднено в силу влияния *орографических факторов*. По этой же причине переселенческие поселки, уже возникшие в других селах района к середине 1950-х годов, как правило, не отличались многолюдностью и, таким образом, не могли в достаточной степени справиться с возложенной на них функцией ассимиляционных центров.

Иная ситуация наблюдалась в Очамчирском районе, где обширные межселенные равнинные участки, ранее занятые лесными массивами и приморскими болотами, позволяли строить большие переселенческие поселки с высокой плотностью населения. Т.А. Ачугба отмечает, что «в Абхазии практически не осталось абхазского села, где бы не были подселены переселенцы из разных сел Грузии» [10: 213].

Между тем, власти Грузии планировали значительное расширение масштабов переселенческого движения. Так, согласно постановлению СНК Абхазской АССР и Бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии от 11 января 1941 г., в селе *Блабырхуа* должен был быть организован грузинский переселенческий поселок из 100 хозяйств, строительство жилых домов в котором планировалось завершить к 1 октября того же года [9: 85, 104]. Однако из-за начала войны поселок не был построен и заселение в *Блабырхуа* рачинских крестьян из Амбролаурского района было отложено. Повторно вопрос о заселении выходцев из Грузии на землях рассматриваемого села был поставлен в 1949 г., причем речь теперь шла о гораздо меньшем количестве переселенцев. В коллективной докладной записке Переселенческого отдела при Совмине Абхазской АССР, треста Абхазпереселенстрой и Министерства сельского хозяйства Абхазской АССР на имя секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии А. Мгеладзе от 11 мая 1949 г. сообщалось о возможности расселения в *Блабырхуа* 30 хозяйств выходцев из Западной Грузии [9: 202]. Фактически же, судя по данным похозяйственных книг села *Блабырхуа* 1973–1975 гг., планового заселения грузин здесь осуществлено не было [22].

В той же докладной записке сообщалось о потенциальной возможности заселения 100 грузинских хозяйств в селе *Ачандара*, в том числе путем расселения их группами по 8-10 домов [9: 202], поскольку рельеф местности исключал возможность строительства здесь столь крупного компактного поселка. Однако фактически организованного заселения западногрузинских крестьян в Ачандару произведено не было.

В дважды цитированной выше докладной записке также говорилось о наличии возможности заселить 50 хозяйств выходцев из Западной Грузии в селе *Бармыш*, «на землях, расположенных вдоль магистральной шоссейной дороги». По плану их заселение должно было быть осуществлено в 1954 г. [9: 202, 238]. Однако, как явствует из материалов похозяйственных книг Бармышского сельсовета 1967–1970 гг., грузинского переселенческого поселка здесь организовано не было [23].

В село *Аацы* в 1953 г. планировалось переселить 112 хозяйств выходцев из Западной Грузии [9: 240], однако в связи с изменившейся после смерти Сталина политической конъюнктурой плановое заселение грузинских крестьян осуществлено не было.

В селе *Джирхуа* также намечалось осуществить вселение западногрузинских крестьян, дома для которых уже были построены, однако в связи с окончанием планового переселения в период десталинизации заселение осуществлено не было. Поскольку абхазы, проживавшие в предгорной части села Джирхуа, не изъявили желания заселить местность, считавшуюся ими малопригодной для постоянного обитания из-за распространенной здесь ранее малярии, построенные дома были отданы армянским поселенцам, рядом с которыми расселили также и греков.

Села *Звандрипи* и *Мгудзырхуа* составляют особую группу по характеру планового заселения в них западногрузинских крестьян в 1930–1950-е годы. Как уже отмечалось, при создании рачинско-мингрельского переселенческого поселка в устьях рек Хыпсы и Мчиш, позже оформившегося в Ахалсопельский сельсовет, у двух вышеназванных селений была изъята значительная часть земельного фонда. Однако на оставшихся у Звандрипиша и Мгудзырхуа территориях планового вселения крестьян из Западной Грузии в дальнейшем произведено не было, хотя у руководства Грузинской ССР имелись подобные планы. В докладной записке на имя А. Мгеладзе от 11 мая 1949 г., к которой мы неоднократно обращались, содержались следующие положения: «В колхозе “Алашара” села Мгудзырхуа имеется возможность доприселения до 50 хозяйств на массиве, прилегающем к дому отдыха Госплана СССР <...> В колхозе имени Берия села Звандрипиш есть реальная возможность доприселения 50 хозяйств на массиве, лежащем вдоль дороги (старое шоссе) и границы с колхозом им. Ворошилова» [9: 202]. Согласно плану сельскохозяйственного переселения на 1953–1955 гг., в Звандрипише должны были возникнуть 2 грузинских поселка, в каждом из которых было бы расселено по 50 хозяйств [9: 238].

Особенности географической локализации основного массива грузинских переселенческих поселков в Гудаутском районе наталкивают на мысль об имевшей место и более или менее успешно реализованной попытке руководства советской Грузии «рассечь» надвое этническую территорию бзыпских абхазов путем инвазии картвельской этнической полосы вдоль левого берега реки Мчиш, начиная от крупнейшего грузинского села Гудаутского района Ахалсопели на побережье и заканчивая предгорными сванскими переселенческими поселками в пределах Отхарского сельсовета. Одним из звеньев в цепи «картвельского клина» на левом берегу реки Мчиш должен был стать переселенческий поселок в селе Джирхуа, однако здесь

впоследствии были расселены армяне. Представители патриотически настроенной абхазской интеллигенции Г.А. Дзидзария, Б.В. Шинкуба и К.С. Шакрыл 25 февраля 1947 г. направили секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову письмо, в котором выражался протест против проводимой грузинским руководством в Абхазии национальной политики. Относительно демографической колонизации в письме, в частности, отмечалось: «Очень часто такие переселенческие поселки вклиниваются в села с компактным абхазским населением» [24: 86]. Помимо этого, планы по строительству переселенческих поселков на середину 1950-х годов, которые так и не были окончательно претворены в жизнь, свидетельствуют о том, что в Абхазии в конечном счете не должно было остаться ни одного абхазского села, не затронутого плановым переселением выходцев из западных районов Грузии.

Проводившаяся переселенческая политика имела серьезные демографические последствия. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., когда плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Гудаутский район только начало разворачиваться, здесь проживали всего 560 грузин, что составляло 1,9% от всего сельского населения района. Согласно итогам переписи 1959 г., в селах района уже проживали 4098 грузин или 11,1% от общего количества сельского населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика этнического состава сельского населения Гудаутского района по данным переписей населения 1939 и 1959 гг. [25], [26: 47].

	1939 г.	1959 г.	прирост, чел.	прирост, %
все население	29997	36852	6855	22,9
абхазы	18204	20720	2516	13,8
армяне	6551	7538	978	14,9
греки	1757	211	– 1546	– 88,0
грузины	560	4098	3538	631,8
русские и украинцы	2671	3939	1268	47,5
прочие	254	346	92	36,2

В межпереписной период 1939–1959 гг. население сельской местности Гудаутского района выросло с 29 997 до 36 852 чел. Таким образом, общий прирост за двадцатилетний период составил 6855 человек или 22,9%. Абхазское и армянское население увеличилось путем естественного прироста на 13,8% и 14,9% соответственно. Русское и украинское население увеличилось на 47,5% преимущественно за счет миграционного прироста, на который накладывался и естественный. Рост грузинского населения рассматриваемой территории на рекордные 631,8% является наглядным статистическим подтверждением результатов переселенческой кампании сталинского-бериевского периода применительно к Гудаутскому району. Депопуляция греческого населения связана с депортацией 1949 г. и лишь частичным возвращением греков в Абхазию после снятия с них режима спецпоселения. Вклад в общий прирост населения в межпереписной период 1939–1959 гг. крупнейшего этноса сельской

местности Гудаутского района – абхазов, – составлявшего 60,7% населения данной территории в 1939 г., был лишь 36,7%. В то же время грузины, доля которых в населении рассматриваемой территории в 1939 г. составляла лишь 1,9%, обеспечили 51,6% от общего прироста, а их удельный вес в сельской местности Гудаутского района к 1959 г. вырос до 11,1%. Доля абхазского населения снизилась до 56,2%.

Интересны и показательны данные по отдельным населенным пунктам. Так по данным переписи населения 1970 г., в селе *Ахалсопели* Гудаутского района проживали 3210 человек, в том числе 19,4% абхазов, 64,5% грузин, 9,8% русских [27]. По материалам похозяйственных книг 1976–1978 гг., численность населения Ахалсопельского сельсовета составляла 3067 человек, в том числе 684 (22,3%) абхаза, 2275 (74,2%) грузин, 66 (2,2%) русских, по 8 (0,3%) армян и немцев, 7 (0,2%) осетин, по 6 (0,2%) татар и украинцев, 5 (0,2%) греков, а также по 1 (0,1%) поляку и туркмену. Анализ фамильных имен жителей Ахалсопели позволил установить, что из 2275 грузин примерно 1500 были рачинцами и 775 – мингрелами, то есть рачинская часть картвельской общины села почти вдвое превосходила по численности мингрельскую. По всей вероятности, в последние десятилетия советской власти в рассматриваемом селе проживала крупнейшая рачинская сельская община за пределами Рачи. По данным вышеупомянутого источника, в Ахалсопели было зафиксировано 49 этнически смешанных браков, включая 18 абхазо-грузинских, 9 грузино-русских, 5 абхазо-русских, 4 грузино-украинских, 3 армяно-грузинских, по 2 абхазо-украинских, грузино-немецких и грузино-осетинских и по 1 абхазо-немецкому, абхазо-туркменскому, грузино-польскому и русско-татарскому [28]. По итогам последней советской переписи 1989 г., здесь проживали 2992 человека, из которых 74,0% являлись грузинами, 20,0% – абхазами [29: 24]. Н.Г. Волкова так характеризовала языковые процессы в Ахалсопели в конце 1970-х годов: «Все население (за исключением рачинцев в возрасте 70 лет и выше) владеет разговорным русским, абхазы знают грузинский язык. Единицы из грузин могут говорить по-абхазски» [11: 49].

В Гудаутском районе по количеству организовано заселенных западногрузинских крестьян *Отхара* уступала только селу Ахалсопели. По данным похозяйственных книг 1971–1973 гг., население Отхарского сельсовета составляло 2243 человека, а этнический состав был следующим: 1737 (77,4%) абхазов, 487 (21,7%) грузин, 13 (0,6%) русских, 4 (0,2%) украинца, 1 (0,1%) грек и 1 (0,1%) татарин. Согласно источнику, в Отхаре имелось 14 этнически смешанных брачных пар, в том числе 6 абхазо-грузинских, 4 абхазо-русских, по 1 абхазо-украинской и абхазо-греческой и 2 грузино-русские пары. Из шести абхазо-грузинских брачных союзов только в одном случае имел место брак между представителем сванской переселенческой общины и местной абхазкой, тогда как в остальных случаях были зафиксированы браки с прочими картвелами, часть которых давно обабхазилась, но продолжала фигурировать в официальных документах как грузины (например, представители фамилии Нозадзе) [30]. В позднесоветский период, согласно данным переписи 1989 г., из 2059 жителей Отхарского сельсовета примерно 715 человек были переписаны как грузины, что составляло порядка 34,8%. Большая часть отхарских сванов проживала в поселках Жабна, Мамыджирхуа и Дзагрипш (центральная часть села) [29: 27]. По сообщению главы администрации села Отхара А.М. Айба, перед началом грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. в селе имелось 78 сванских хозяйств, при этом смешанные абхазо-сванские семьи отсутствовали. Сванская молодежь в массе

своей покинула Отхару еще до начала войны, а оставшиеся сваны были организовано вывезены на контролировавшуюся грузинскими войсками территорию во время войны. Часть отхарских сванов принимала участие в вооруженном противостоянии на стороне Грузии. В период войны большая часть домов, в которых ранее проживали сваны, была сожжена местными жителями³.

Относительно языковых компетенций жителей Отхары в конце 1970-х годов цитированная выше Н.Г. Волкова писала следующее: «Сваны, сохраняя в быту сванский язык, хорошо знают разговорный русский, а некоторые владеют и абхазским языком. Общение сванов и абхазов на работе и в повседневной жизни происходит на русском языке» [11: 49]. По всей вероятности, общение на родном языке внутри сванской части населения Отхары было затруднено вследствие существенных диалектных различий, поскольку ушгульцы, каальцы и ипярцы являются носителями верхнеабхазского наречия, а лентехцы – лентехского. Накладывающееся на это обстоятельство наличие грузинского сектора в сельской школе, в котором обучались сванские дети, способствовало активному внедрению грузинского языка среди представителей данной переселенческой общины. В начале 1950-х годов местный колхоз носил грузинское название «Мегаброба» (Дружба), что, по замыслу властей, должно было символизировать характер взаимоотношений между коренным населением Отхары и переселенцами из Сванетии. К тому же обе эти группы в случае пролонгации вектора этнокультурной политики сталинско-бериевского периода в скором времени должны были быть административно консолидированы внутри грузинской социалистической нации.

По данным похозяйственных книг 1976–1978 гг., численность населения села *Абгархук* составляла 1141 человек, в том числе 945 (82,8%) абхазов, 157 (13,8%) грузин, 13 (1,1%) русских, 7 (0,6%) персов, по 5 (0,4%) греков, лезгин и турок, 2 (0,2%) армянина и по 1 (0,1%) татарину и украинцу. В Абгархуке было зафиксировано 9 этнически смешанных брачных пар, включая 2 абхазо-русские, 2 абхазо-персидские, а также по 1 абхазо-лезгинской, абхазо-турецкой, абхазо-украинской, грузино-русской и татаро-турецкой. Ни одного абхазо-грузинского брачного союза в селе отмечено не было [31]. В 1989 г. численность грузинских переселенцев и их потомков составляла примерно 140 человек, тогда как всего в Абгархуке проживали 1385 жителей [29: 23, 24]. Часть имеретинцев покинула село более чем за год до начала грузино-абхазской войны. Так, 31 марта 1991 г. состоялся референдум о восстановлении независимости Грузии. В Гудаутском районе и Ткуарчале избирательные участки открыты не были, однако абгархукским грузинам удалось проголосовать за пределами района. В.В. Шария пишет: «В таких случаях никакой тайны голосования уже быть не может: если поехали, значит, голосовали “за”. После этого они подверглись такому давлению со стороны возмущенных абгархукцев, что им пришлось бежать. Я беседовал с этими людьми в одном из пансионатов в Гулрыпшском районе, куда власти их заселили. Они находились в смятении: принять участие в референдуме их заставили национальные чувства, но их соседи расценили это как предательство...» [32].

Согласно устным сообщениям жителей Гудаутского района, к концу 1980-х – началу 1990-х годов значительная часть картвельского населения сел Отхара и Абгархук (особенно представители молодого поколения, родившиеся и выросшие в этих населенных пунктах) хорошо владела абхазским языком. По всей вероятности, это же было справедливо в отношении ряда других сел района.

По данным похозяйственных книг Куланыхвского сельсовета 1973–1975 гг., население поселка *Тасракуа* составляло 620 человек, в том числе 165 (26,6%) абхазов, 230 (37,1%) армян, 193 (31,1%) грузина, 20 (3,2%) русских, 9 (1,5%) греков и 3 (0,5%) лезгина. В полиэтничном прибрежном поселке, граничащем с райцентром и лежащем вдоль центральной трассы, закономерно отмечалась существенная доля межэтнических браков, среди которых имелось по 2 абхазо-грузинских, армяно-русских и греко-русских, а также по 1 абхазо-лезгинскому, армяно-греческому, армяно-грузинскому, грузино-русскому и лезгино-русскому. Остальная территория села Куланыхва была практически моноэтнической: из 1049 жителей лишь 3 были русскими, тогда как остальные – абхазами [33]. По итогам переписи 1989 г., в Тасракуа проживали 726 человек, в том числе 203 (28,0%) абхаза, 267 (36,8%) армян и 196 (27,0%) грузин [29: 26].

По данным похозяйственных книг Лыхненского сельсовета 1971–1973 гг., численность населения поселка *Аджимчигра* составляла 1172 человека, в том числе 836 (71,3%) абхазов, 333 (28,4%) грузина и 3 (0,3%) русских. В поселке были зафиксированы лишь 2 смешанные абхазо-грузинские брачные пары [34]. Согласно итогам переписи 1989 г., население Аджимчигры составляло 1319 человек, из которых 73,0% были абхазами и 25,0% – грузинами [29: 26]. По материалам похозяйственных книг Дурипшского сельсовета 1976–1978 гг., в поселке *Абгара* проживали 605 человек, включая 448 (74,0%) абхазов, 138 (22,8%) грузин, 9 (1,5%) русских, 5 (0,8%) армян, 4 (0,7%) турок и 1 (0,2%) украинца. В поселке было отмечено 5 смешанных брачных союзов: абхазо-грузинский, абхазо-русский, абхазо-турецкий, грузино-русский и грузино-украинский [35].

По материалам похозяйственных книг 1973–1975 гг., в селе *Калдахуара* проживали 1136 чел., этнический состав которых был следующим: абхазы – 891 чел. (78,4%), русские – 87 чел. (7,7%), грузины – 64 чел. (5,6%), греки – 33 чел. (2,9%), армяне – 30 чел. (2,6%), украинцы – 21 чел. (1,8%), черкесы – 8 чел. (0,7%), болгары и коми-пермяки – по 1 чел. (0,1%). В селе было отмечено 32 этнически смешанных брачных союза, в том числе 9 абхазо-грузинских, 7 абхазо-русских, по 2 абхазо-греческих, абхазо-украинских, абхазо-черкесских, армяно-грузинских, армяно-украинских и грузино-украинских, а также по 1 абхазо-болгарскому, армяно-русскому, грузино-русскому и коми-пермяцко-русскому [36].

Смешанные браки между коренным населением Гудаутского района и грузинскими переселенцами не получили такого широкого распространения, как в Абжуйской Абхазии, и в целом имели скорее эпизодический характер. Обратимся к фрагменту из спецсообщения второго отдела НКГБ Абхазской АССР от 23 сентября 1945 г., в котором приведены слова жительницы Гудауты Александры Лакоба: «Все абхазцы возмущены тем, что одна абхазка собиралась выйти замуж за грузина. Однако она решила выйти замуж за грузина лишь по той причине, что видит, что для абхазцев нет дороги к росту» [37: 108]. Потомство от таких брачных союзов, насколько можно судить исходя из эмпирических данных, в подавляющем большинстве случаев склонялось к абхазской этнокультурной идентичности даже тогда, когда картвелом был отец. Это связано как с большей этнической гомогенностью Бзыпской Абхазии в сравнении с Абжуйской в советский период, так и с более выраженной культурной дистанцией между коренным населением Гудаутского района и картвельским этническим миром, являющейся следствием и дистанции географической. Подоб-

ная ситуация вызывала и культурно-бытовой антагонизм между численно доминировавшим абхазским населением и грузинскими переселенческими группами, чего в столь явной форме не наблюдалось до начала войны в Абжуйской Абхазии. Определенное влияние на наблюдавшиеся различия в культурно-бытовом взаимодействии коренного населения Гудаутского и Очамчирского районов с картвельскими переселенцами играл и этноязыковой состав последних. Если в Бзыпской Абхазии планомерно переселенные крестьяне из Западной Грузии были представлены в основном грузиноязычными рачинцами и имеретинцами, а также сванами, в целом культурно более дистанцированными от абхазов, и в меньшей степени – мингрелами⁴, то в Абжуйской Абхазии большая часть переселенцев происходила из географически близкой к ней Мингрелии, с населением которой у абжуйских абхазов имелись определенные этнокультурные параллели и опыт этнических контактов в предшествующий период, вызванный наличием компактного мингрельского населения в ряде сел района к концу XIX – началу XX веков и непосредственной географической близостью уже мингрелоязычного Самурзакана.

Единственным этнически абхазским селом страны, где, согласно данным похозяйственных книг 1970-х годов, не проживало ни одного грузина, было предгорное селение *Хуап*. Оно же, по всей вероятности, являлось и самым моноэтническим абхазским селом Гудаутского района и Абхазии в целом. По материалам похозяйственных книг Хуапского сельсовета 1973–1975 гг., здесь проживали 685 чел., из которых абхазами были 682 чел. (99,6%), украинцами – 2 чел. (0,3%) и русскими – 1 чел. (0,1%). Обе украинки были женами местных абхазов, а единственный этнический русский проживал в одиночном домохозяйстве [38].

Периферийные и удаленные от центральной автомагистрали этнически армянские села Мцара и Амжвыкухуа, наряду с имеющим схожее экономико-географическое положение предгорным абхазским селением Хуап, являлись единственными селами Гудаутского района, где, согласно похозяйственным книгам 1960–1970-х годов, не проживало ни одного грузина. Очевидно, что незаинтересованность властей в организации грузинских переселенческих поселков в армянских селах Гудаутского района в 1930–1950-х годах проистекает из основополагающей цели переселения западногрузинских крестьян в Абхазию – ассимиляции абхазского этноса.

Имеет смысл проанализировать логику основных административно-территориальных трансформаций, которым подверглась территория Гудаутского района в рассматриваемый период времени. В 1938 г. была изменена граница между Гудаутским и Гагрским районами: Лдзааский сельсовет Гудаутского района, включавший в тот период территорию Пицундского мыса, где впоследствии возникнет один из крупнейших советских курортов международного значения, был передан в состав Гагрского района [9: 489, 490]. На закате сталинско-бериевской эпохи указом Президиума ВС Грузинской ССР от 13 декабря 1952 г. из состава Гудаутского района был выделен *Ахалиафонский район* [39]. Новая административно-территориальная единица охватывала территорию от реки Гудоу на западе (непосредственно примыкая к Гудауте) до границы с Сухумским районом на востоке. В состав Ахалиафонского района, помимо самого Нового Афона, вошли села Аацы, Абгархук, Анхуа, Ачандара, Куланыхуа, Мцара, Приморское и Псырдзха [15: 7, 8]. По всей вероятности, подобное разделение Гудаутского района надвое, не имевшее объективных экономических и транспортно-логистических предпосылок, как и произошедшая ранее

передача села Лдзаа Гагрскому району, было нацелено на разрушение административно-географической целостности Бзыпской Абхазии параллельно с разрушением ее этнической целостности, реализовывавшимся посредством переселенческой политики. Эти меры органично вписывались в общую схему грузинизации республики и ассимиляции абхазского этноса в обозначенный исторический период.

Этнически мотивированные внутренние миграции в Грузинской ССР в сталинско-бериевский период не были ограничены переселением по линии «Западная Грузия – Абхазия». Только осенью 1941 г. в дюжину до того этнически немецких сел Нижней Картли было переселено 2390 хозяйств выходцев из Рачи, Лечхума и Имеретии; в Месхетию, практически обезлюдившую вследствие депортации мусульманского населения, лишь во второй половине 1945 г. было переселено 5500 хозяйств имеретинцев и картлийцев [40: 224–226]. После депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в 1943–1944 гг. значительная часть их упраздненных автономий была включена в состав Грузинской ССР. Последней тогда же передается небольшая часть территории Северной Осетии – Восточная Тагаурия. Присоединенные к Грузии во время войны территории, так же как и Абхазия с Месхетией, становятся объектом демографической колонизации: на эти земли переселяют выходцев из соседних грузинских регионов. На карачаевских и балкарских землях, отошедших Грузинской ССР, только в декабре 1943 г. было расселено 2115 выходцев из Сванетии и Рачи [41: 46]. В горной полосе бывшей Чечено-Ингушской АССР, присоединенной к Грузии, был образован *Ахалхевский район*. Его чеченская часть была заселена хевсурами и тушинами, а ингушская – мохевцами. После возвращения репрессированных северокавказских народов из мест депортации перемещенное в Карачай и балкарское Приэльбрусье картвельское население возвращается не в свои родные районы, а направляется в том числе и в Абхазию [9: 4].

Политика грузинского руководства сталинско-бериевского периода в области этнически мотивированных миграций не ограничивалась демографической колонизацией «проблемных» и недавно приобретенных территорий картвельскими переселенцами. Помимо всего прочего, Тбилиси удалось воспользоваться территориальным переделом ликвидированной Чечено-Ингушской АССР в интересах национальной гомогенизации союзной республики посредством «выдавливания» осетинского населения из Южной Осетии и внутренних районов Грузии на присоединенные к Северной Осетии опустевшие ингушские земли⁵. После реабилитации и возвращения на Кавказ депортированных вайнахов Тбилиси не позволит осетинским колонистам вернуться в Грузинскую ССР (как не позволит этого и высланным туркам-месхетинцам⁶), и большая их часть останется жить в пределах Пригородного района, который не был возвращен в состав воссозданной в 1957 г. Чечено-Ингушетии⁷.

С начала 1980-х годов в Грузии начала активно разворачиваться экологическая миграция. Жители горных регионов республики – Сванетии и Аджарии, – пострадавших от стихийных бедствий, переселялись преимущественно в районы Южной Грузии, большую часть населения которых составляли этнические меньшинства. Внутренняя экологическая миграция с перерывами протекает вплоть до настоящего времени. В гамсахурдиевский период власти открыто заявляли о том, что «экологическая миграция используется ими в качестве инструмента регуляции “демографического баланса”, а переселение экомигрантов в приграничные районы, населенные этническими меньшинствами, производится с целью их “грузинизации”» [42: 3]. Такая откровенность в декла-

рировании базовой цели организуемых грузинским руководством миграций не имела места ни в предшествующий период, ни в последующее время. В гамсахурдиевский период экомигранты заселялись и в Абхазию, а координацию процесса переселения, помимо государства, осуществляли также националистические общественные организации «Фонд Костава» и «Общество Руставели». Т. Триер и М. Турашвили указывают, что, в соответствии с принципами, закрепленными в уставе «Фонда Костава», целью организации являлась «помощь регионам Грузии, страдающим от плохих демографических и экологических условий...». Авторы отмечают: «В контексте националистических установок фонда и политической жизни начала 1990-х годов фраза “регионы, проблемные с демографической точки зрения” относилась к регионам, населенным преимущественно национальными меньшинствами, то есть конкретно к Абхазии, Джавахетии и Нижней Картли» [43: 13, 14]. В этот период, как и в сталинско-бериевскую эпоху, грузинское руководство, претворяя в жизнь концепт национальной гомогенизации страны, вновь обратилось к такому радикальному методу, как прямые этнические чистки, в результате которых из Кахетии вынуждены были бежать аварцы, а большая часть Внутренней Картли лишилась многочисленного и в целом компактно расселенного здесь осетинского населения. Несмотря на то что в 2005 г. Грузия ратифицировала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, шестнадцатая статья которой призывает воздерживаться от принятия мер к изменению этнодемографической структуры населения в местах компактного расселения этнических меньшинств [44], экологическая миграция продолжилась и в дальнейшем. В период с 1981 г. по 2006 г. порядка 3000 выходцев из горных районов Аджарии было расселено в преимущественно этнически армянском регионе Самцхе-Джавахети и более 10 800 – в Нижней Картли. В последнем регионе в 1987–2006 гг. осело также более 6700 экомигрантов из Сванетии [43: 72]. В географии расселения экомигрантов усматриваются элементы дальновидной этнополитической стратегии, целью которой, по всей видимости, была попытка воспрепятствовать возможному сближению картвельских мигрантов с местным населением. Наиболее отчетливо эта линия проявилась в очевидном стремлении грузинских властей расселить аджарцев по возможности вне этнически азербайджанских районов, тогда как новые села сванских экомигрантов, напротив, зачастую основывались именно в азербайджанском этническом окружении. Вероятное культурное сближение мигрантов из горных районов Аджарии, сохранивших в той или иной степени приверженность исламу, с численно доминирующим местным мусульманским тюркским населением могло в долгосрочной перспективе привести к нарастанию ассимиляционных процессов в среде картвельских переселенцев. К тому же, учитывая историю Аджарии, опасения властей могли дополнительно усугубляться этноязыковой принадлежностью мусульманского населения Нижней Картли. В результате большинство аджарцев было расселено в Адигенском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Цалкском муниципалитетах, в армянском, греческом и грузинском (имеретинско-картлийском) этническом окружении; а сваны – преимущественно в Тетрицкаройском, Гардабанском и Дманисском муниципалитетах.

Примечания:

- ¹ Ушгул, Лентха, Каал и Ипяр – оригинальные сванские названия населенных пунктов Ушгули, Лентехи, Кала и Ипари. *Дондуа К.Д.* Сванско-грузинско-русский словарь (лашхский диалект). Тбилиси, 2001. С. 129, 159, 289. *Коряков Ю.Б.* Атлас кавказских языков. М., 2006. С. 42.
- ² В позднесоветский период Анхуа представляла собой этнически смешанное абхазо-армянское село со значительным русским меньшинством.

- ³ Записано научным сотрудником отдела этнологии АБИГИ А.Ш. Хашба со слов главы администрации села Отхара А.М. Айба.
- ⁴ Анализируя данные похозяйственных книг 1960–1980-х годов, нам удалось установить, что сельское картвельское население Гудаутского района было представлено примерно на 48% рачинцами, на 35% – мингрелами, на 12% – сванами и на 5% – имеретинцами.
- ⁵ А.А. Цуциев отмечает: «По разным данным, от 25 до 35 тысяч осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию. Переселение шло по “добровольно-принудительной схеме”: каждому осетинскому району, колхозу “спускались” наряд-задания на определенное количество желающих переселиться в “новые районы” семей. Руководству района и колхоза необходимо было выполнить эти поступающие сверху “партийные задания”, хотя это было сопряжено со значительными трудностями. Во многих хозяйствах необходимого количества желающих не набиралось». *Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998. С. 71, 72. И.А. Сланов характеризует особенности демографического освоения опустевших ингушских районов таким образом: «Переселение крестьян происходило в максимально сжатые сроки, как правило, насильственным путем, по строгой разнорядке из Центра. Сюда в основном переселяли земледельцев из Южной Осетии, внутренних районов Грузии и горной полосы Северной Осетии... Заселение новых районов шло трудно, нередко случалось, что крестьяне возвращались в прежние места проживания и многих с помощью принудительных мер... заставляли переселяться повторно». *Сланов И.А. Крестьянство Северной Осетии в первом послевоенном десятилетии (1946–1955 гг.). Владикавказ, 1997. С. 21.**
- ⁶ В «Атласе этнополитической истории Кавказа» А.А. Цуциева читаем: «Снятие административных препятствий в возвращении на Кавказ коснулось лишь тех из них (турок-месхетинцев. – Н.Б.), кто еще до депортации официально значился азербайджанцем: осенью 1957 им было предоставлено право переселиться на территорию Азербайджанской ССР. В указе союзного Верховного Совета содержится ссылка на основания для такого решения – заявление правительства Грузинской ССР об “отсутствии возможностей к размещению и устройству” месхетинцев в районах, откуда они были высланы. Политика региональных властей, таким образом, активно включена в определение общего рисунка реабилитационной кампании 1956–1957 годов». *Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 80.*
- ⁷ По мнению А.А. Цуциева, сам факт сохранения Пригородного района в составе Северной Осетии при восстановлении вайнахской автономии может объясняться и тем, что именно здесь были расселены осетины из Грузии, власти которой не желали их возвращения в республику. *Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998. С. 74, 75.* Нам представляется, что этнодемографическая политика советской Грузии, со всей очевидностью пользовавшаяся личной поддержкой Сталина и Берия, явилась опосредованной причиной вызревания и последующей эскалации осетино-ингушского конфликта.

Источники и литература

1. *XX лет Советской Абхазии. Политико-экономический очерк.* Сухуми: Издание АБИГ-За, 1941. 137 с.
2. Цуциев А.А. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004).* Москва: Европа, 2006. 128 с.
3. Ачугба Т.А., отв. ред. *Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.).* Сухум: Алашара, 1995. 98 с.
4. Гогешвили Я.С. *Кем заселить Абхазию?* URL: http://apsnyteka.org/1469-gogebashvili_j_kem_zaselit_abkhaziyu.html (дата обращения: 27.06.2018).
5. *Кавказский календарь на 1908 год.* Тифлис: Типография Козловского, 1907. 871 с.
6. *Кавказский календарь на 1912 год.* Тифлис: Типография Козловского, 1911. 959 с.
7. *Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года.* Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925. 301 с.
8. *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Москва: Издание ЦСУ СССР, 1929. 301 с.

9. Сагария Б.Е., отв. ред. *Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.: Сборник материалов*. Сухум: Алашара, 1991. 566 с.
10. Ачугба Т.А. *Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты*. Сухум, 2010. 356 с.
11. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе*. Москва: Наука, 1978. 282 с.
12. Газ. «Советская Абхазия». 14 февраля 1951. № 31 (8525).
13. Газ. «Советская Абхазия». 10 апреля 1949. № 70 (8050).
14. *Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1951 год*. Сухуми: Госиздат Абхазской АССР, 1951. 25 с.
15. *Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год*. Сухуми: Госиздат Абхазской АССР, 1953. 23 с.
16. Кешаниди Х.Л. *Выселение греков СССР в 1949 году*. Афины, 2015. 173 с.
17. Юнге М., Бонвеч Б. *Большевицкий порядок в Грузии*. Москва: АИРО–XXI, 2015. 640 с.
18. Лежава Г.П. *Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.)*. Сухуми: Алашара, 1989. 85 с.
19. Газ. «Советская Абхазия». 28 июля 1950. № 148 (8384).
20. Газ. «Советская Абхазия». 30 января 1951. № 20 (8514).
21. *Заседания Верховного Совета Абхазской АССР. (Пятая сессия). 20-21 июля 1950 г. Стенографический отчет*. Сухуми: Издание ВС Абхазской АССР, 1950. 120 с.
22. Архив Гудаутского района. Ф. 188. Оп. 1. Д. 209–215.
23. Архив Гудаутского района. Ф. 184. Оп. 1. Д. 144–146.
24. Марыхуба И.Р., отв. ред. *Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов*. Сухум, 1994. 528 с.
25. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
26. *Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник*. Тбилиси, 1973. 370 с.
27. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.
28. Архив Гудаутского района. Ф. 182. Оп. 1. Д. 322–332.
29. *Населенные пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник*. Тбилиси, 1991. 156 с.
30. Архив Гудаутского района. Ф. 193. Оп. 1. Д. 206–210.
31. Архив Гудаутского района. Ф. 200. Оп. 1. Д. 208–214.
32. Шария В.В. Референдум 31.03.1991: как это было в Абхазии. URL: <https://www.ek-hokavkaza.com/a/3542029.html> (дата обращения: 28.06.2018).
33. Архив Гудаутского района. Ф. 195. Оп. 1. Д. 278–285.
34. Архив Гудаутского района. Ф. 214. Оп. 1. Д. 308–313.
35. Архив Гудаутского района. Ф. 179. Оп. 1. Д. 271, 272.
36. Архив Гудаутского района. Ф. 189. Оп. 1. Д. 193–197.
37. Лакоба С.З., Анчабадзе Ю.Д., отв. ред. *Абхазский архив. XX век. Выпуск I*. Москва, 2003. 179 с.
38. Архив Гудаутского района. Ф. 192. Оп. 1. Д. 205–209.
39. Газ. «Советская Абхазия». 22 августа 1953. № 164 (9172).
40. Джаошвили В.Ш. *Население Грузии*. Тбилиси: Мецниереба, 1996. 398 с.
41. Некрич А.М. *Наказанные народы*. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 171 с.
42. Lyle J. *Resettlement of Ecological Migrants in Georgia: Recent Developments and Trends in Policy, Implementation, and Perceptions*. ECMI Working Paper № 53. 2012. URL: http://www.ecmicaucasus.org/upload/publications/working_paper_53_en.pdf (дата обращения: 25.06.2018).
43. Trier T., Turashvili M. *Resettlement of Ecologically Displaced Persons. Solution of a Problem or Creation of a New? Eco-Migration in Georgia 1981–2006*. ECMI Monograph № 6. Flensburg, 2007. 72 p.
44. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. URL: <https://rm.coe.int/t168007cddc> (дата обращения: 20.06.2018).

References

1. *XX let Sovetskoï Abkhazii. Politiko-ekonomicheskii ocherk*. Sukhumi: Izdanie ABGIZa, 1941. 137 s. (in Russ.) [*20 years of Soviet Abkhazia. Political-Economical Essay*. Sukhumi: ABGIZ Publ., 1941. 137 p.]
2. Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)*. Moskva: Evropa, 2006. 128 s. (in Russ.) [Tsutsiev A.A. *Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus (1774–2004)*. Moscow: Evropa Publ., 2006. 128 p.]
3. Achugba T.A., otv. red. *Etnicheskaia “revoliutsiia” v Abkhazii (po sledam gruzinskoï periodiki XIX v.)*. Sukhum: Alashara, 1995. 98 s. (in Russ.) [Achugba T.A., ed. *Ethnic “Revolution” in Abkhazia (Following the 19th century Georgian Periodicals)*. Sukhum: Alashara, 1995. 98 p.]
4. Gogebashvili Ia.S. *Kem zaselit’ Abkhaziiu?* URL: http://apsnyteka.org/1469-gogebashvili_j_kem_zaselit_abkhaziyu.html (data obrashcheniia: 27.06.2018). (in Russ.) [Gogebashvili I.S. *Who Should Settle in Abkhazia?* Available at: http://apsnyteka.org/1469-gogebashvili_j_kem_zaselit_abkhaziyu.html (accessed 27.06.2018).]
5. *Kavkazskii kalendar’ na 1908 god*. Tiflis: Tipografiia Kozlovskogo, 1907. 871 s. (in Russ.) [*The Caucasian Calendar for 1908*. Tiflis: Kozlovskiy Publ., 1907. 871 p.]
6. *Kavkazskii kalendar’ na 1912 god*. Tiflis: Tipografiia Kozlovskogo, 1911. 959 s. (in Russ.) [*The Caucasian Calendar for 1912*. Tiflis: Kozlovskiy Publ., 1911. 959 p.]
7. *Itogi Vsegruzinskoï sel’skokhoziaistvennoï perepisi 1923 goda. Vyp. 1. Ch. 2*. Tiflis, 1925. 301 s. (in Russ.) [*Results of the All-Georgian Agricultural Census of 1923. Vol. 1. Part 2*. Tiflis, 1925. 301 p.]
8. *Vsesoiuznaia perepis’ naseleniia 1926 goda*. Moskva: Izdanie TsSU SSSR, 1929. 301 s. (in Russ.) [*All-Soviet Union Population Census of 1926*. Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 1929. 301 p.]
9. Sagariia B.E., otv. red. *Abkhaziia: dokumenty svidetel’stvuiut. 1937–1953 gg.: Sbornik materialov*. Sukhum: Alashara, 1991. 566 s. (in Russ.) [Sagaria B.E., ed. *Abkhazia: The Documents Show. 1937–1953: Collection of Materials*. Sukhum: Alashara, 1991. 566 p.]
10. Achugba T.A. *Etnicheskaia istoriia abkhazov XIX–XX vv. Etnopoliticheskie i migratsionnye aspekty*. Sukhum, 2010. 356 s. (in Russ.) [Achugba T.A. *Ethnic History of the Abkhazians in the 19th and 20th centuries. Ethnopolitical and Migration Aspects*. Sukhum, 2010. 356 p.]
11. Volkova N.G. *Etnicheskie protsessy v Gruzinskoï SSR // Etnicheskie i kul’turno-bytovye protsessy na Kavkaze*. Moskva: Nauka, 1978. 282 s. (in Russ.) [Volkova N.G. *Ethnic Processes in Georgian SSR. Ethnic and Cultural Processes in the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1978. 282 p.]
12. Gaz. “Sovetskaia Abkhaziia”. 14 fevralia 1951. № 31 (8525). (in Russ.) [“Soviet Abkhazia” Newspaper. February 14, 1951, no. 31 (8525).]
13. Gaz. “Sovetskaia Abkhaziia”. 10 apreliia 1949. № 70 (8050). (in Russ.) [“Soviet Abkhazia” Newspaper. April 10, 1949, no. 70 (8050).]
14. *Abkhazskaia ASSR. Administrativno-territorial’noe delenie. 1951 god*. Sukhumi: Gosizdat Abkhazskoi ASSR, 1951. 25 s. (in Russ.) [*Abkhazian ASSR. Administrative-territorial division*. 1951. Sukhumi: Abkhazian ASSR State Publ., 1951. 25 p.]
15. *Abkhazskaia ASSR. Administrativno-territorial’noe delenie. 1953 god*. Sukhumi: Gosizdat Abkhazskoi ASSR, 1953. 25 s. (in Russ.) [*Abkhazian ASSR. Administrative-territorial division*. 1953. Sukhumi: Abkhazian ASSR State Publ., 1953. 23 p.]
16. Keshanidi Kh.L. *Vyselenie grekov USSR v 1949 godu*. Afiny, 2015. 173 s. (in Russ.) [Keshanidi Kh.L. *Deportation of Soviet Greeks in 1949*. Athens, 2015. 173 p.]
17. Junge M., Bonvech B. *Bol’shevistskii poriadok v Gruzii*. Moskva: AIRO–XXI, 2015. 640 c. (in Russ.) [Junge M., Bonwetsch B. *Bolshevik Order in Georgia*. Moscow: AIRO–XXI, 2015. 640 p.]
18. Lezhava G.P. *Izmenenie klassovo-natsional’noi struktury naseleniia Abkhazii (konets XIX v. – 70-e gg. XX v.)*. Sukhumi: Alashara, 1989. 85 s. (in Russ.) [Lezhava G.P. *Changes in*

- the Class-National Structure of the Population of Abkhazia (late 19th – 1970s)*. Sukhumi: Alashara, 1989. 85 p.]
19. Gaz. “Sovetskaia Abkhaziia”. 28 iulia 1950. № 148 (8384). (in Russ.) [“Soviet Abkhazia” Newspaper. July 28, 1950, no. 148 (8384).]
 20. Gaz. “Sovetskaia Abkhaziia”. 30 ianvaria 1951. № 20 (8514). (in Russ.) [“Soviet Abkhazia” Newspaper. January 30, 1951, no. 20 (8514).]
 21. *Zasedaniia Verkhovnogo Soveta Abkhazskoi ASSR. (Piataia sessiia). 20-21 iulia 1950 g. Stenograficheskii otchet*. Sukhumi: Izdanie VS Abkhazskoi ASSR, 1950. 120 s. (in Russ.) [Meetings of the Supreme Council of Abkhazian ASSR (Fifth session). 20-21 July 1950. Verbatim report. Sukhumi: Publication of the Supreme Council of Abkhazian ASSR, 1950. 120 p.]
 22. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 188. Op. 1. D. 209–215. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 188. In. 1. Files. 209–215.]
 23. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 184. Op. 1. D. 144–146. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 184. In. 1. Files. 144–146.]
 24. Marykhuba I.R., otv. red. *Abkhaziia v sovetskuiu epokhu. Abkhazskie pis'ma (1947–1989). Sbornik dokumentov*. Sukhum, 1994. 528 s. (in Russ.) [Marykhuba I.R., ed. *Abkhazia in the Soviet Era. Abkhazian Letters (1947–1989). Collection of documents*. Sukhum, 1994. 528 p.]
 25. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. F. 1562. Op. 336. D. 999. (in Russ.) [Russian State Archive of the Economy. F. 1562. In. 336. File. 999.]
 26. *Narodnoe khoziaistvo Abkhazskoi ASSR. Statisticheskii sbornik*. Tbilisi, 1973. 370 s. (in Russ.) [The Economy of Abkhazian ASSR. Statistical yearbook. Tbilisi, 1973. 370 p.]
 27. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. F. 1562. Op. 338. Ch. 2. D. 333. (in Russ.) [Russian State Archive of the Economy. F. 1562. In. 338. Part 2. File. 333.]
 28. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 182. Op. 1. D. 322–332. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 182. In. 1. Files. 322–332.]
 29. *Naselennye punkty i naselenie Gruzii (po dannym Vsesoiuznoi perepisi 1989 goda). Statisticheskii spravocchnik*. Tbilisi, 1991. 156 s. (in Russ.) [Settlements and the Population of Georgia (According to the All-Union Census of 1989). Tbilisi, 1991. 156 p.]
 30. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 193. Op. 1. D. 206–210. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 193. In. 1. Files. 206–210.]
 31. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 200. Op. 1. D. 208–214. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 200. In. 1. Files. 208–214.]
 32. Shariia V.V. *Referendum 31.03.1991: kak eto bylo v Abkhazii*. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/3542029.html> (data obrashcheniia: 28.06.2018). (in Russ.) [Sharia V.V. *Referendum 31.03.1991: How Was It in Abkhazia?* Available at: <https://www.ekhokavkaza.com/a/3542029.html> (accessed 28.06.2018).]
 33. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 195. Op. 1. D. 284, 285. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 195. In. 1. Files. 278–285.]
 34. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 214. Op. 1. D. 308–313. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 214. In. 1. Files. 308–313.]
 35. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 179. Op. 1. D. 271, 272. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 179. In. 1. Files. 271, 272.]
 36. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 189. Op. 1. D. 193–197. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 189. In. 1. Files. 193–197.]
 37. Lakoba S.Z., Anchabadze Iu.D., otv. red. *Abkhazskii arkhiv. XX vek*. Vypusk I. Moskva, 2003. 179 s. (in Russ.) [Lakoba S.Z., Anchabadze Y.D., eds. *Abkhazian Archive. 20 century*. Vol. I. Moscow, 2003. 179 p.]
 38. Arkhiv Gudautskogo raiona. F. 192. Op. 1. D. 205–209. (in Russ.) [Archive of Gudauta District. F. 192. In. 1. Files. 205–209.]
 39. Gaz. “Sovetskaia Abkhaziia”. 22 avgusta 1953. № 164 (9172). (in Russ.) [“Soviet Abkhazia” Newspaper. August 22, 1953, no. 164 (9172).]

40. Dzhaoshvili V.Sh. *Naselenie Gruzii*. Tbilisi: Metsniereba, 1996. 398 s. (in Russ.) [Jaoshvili V.Sh. *Population of Georgia*. Tbilisi: Metsniereba, 1996. 398 p.]
41. Nekrich A.M. *Nakazannye narody*. N'iu-York: Khronika, 1978. 171 s. (in Russ.) [Nekrich A.M. *The Punished Peoples*. New York: Khronika, 1978. 171 p.]
42. Lyle J. *Resettlement of Ecological Migrants in Georgia: Recent Developments and Trends in Policy, Implementation, and Perceptions*. ECMI Working Paper no. 53, 2012. Available at: http://www.ecmicaucasus.org/upload/publications/working_paper_53_en.pdf (accessed 25.06.2018).
43. Trier T., Turashvili M. *Resettlement of Ecologically Displaced Persons. Solution of a Problem or Creation of a New? Eco-Migration in Georgia 1981–2006*. ECMI Monograph no. 6. Flensburg, 2007. 72 p.
44. *Ramochnaia konventsiiia o zashchite natsional'nykh men'shinstv*. URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (data obrashcheniia: 20.06.2018). (in Russ.) [*Framework Convention for the Protection of National Minorities*. Available at: <https://rm.coe.int/168007cddc> (accessed 20.06.2018).]

N.V. Bagapsh. Demographic Colonization as a tool of politics of National Homogenization in the Georgian SSR (on the example of Gudauta district of Abkhazia)

The work researches the resettlement policy of the Georgian SSR during the Stalin era on the example of the organized resettlement of peasants from the western regions of Georgia to the Gudauta district of Abkhazia. The political, socio-cultural and geographical logic of Tbilisi-organized mass migration of the Kartvelian population to Abkhazia in the 1930s–1950s is analyzed. The demographic colonization of Abkhazia is considered, on the one hand, as one of the elements of the polycomponent policy of the Georgianization of the autonomous republic in the Stalin era, on the other – as a particular example of the implementation of the policy of national homogenization of Georgia, conducted by Georgian elites from the second half of the 19th century up to the present day.

Key words: *Abkhazia, ethnic demography of Abkhazia, Georgianization of Abkhazia, Gudauta district, organized migration in the Georgian SSR.*